

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 323.215

А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина**ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ 'ПОБЕДА' В КОНТЕКСТЕ
ФЕНОМЕНА НОСТАЛЬГИИ ПО СОВЕТСКОМУ**

Авторы на фоне феномена ностальгии по советскому рассматривают, какую роль в ее актуализации сыграл конструкт "Победа". Исследование проводится в виде решения проблемы "кодирования" политической культуры России как конструирования "памяти" о Победе. При этом делается вывод, что артикулируется и инвариантная фигура Победителя. Исследуется, как политико-конструктивистские усилия современной власти по собственной легитимации за счет значимых образов прошлого вызывают ответную коммуникативную реакцию.

Ключевые слова: конструкт, ностальгия, память, ценности, семиосфера, советский, политический праздник.

Политический аспект феномена ностальгии по советскому связан в первую очередь с семиотически понимаемой политической культурой России. Но сначала надо оттолкнуться от аналогичной интерпретации культуры вообще: «Семиотические аспекты культуры... развиваются, скорее, по законам, напоминающим законы памяти, при которых прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе» [1. С. 615]. Экстраполируя данное высказывание Ю.М. Лотмана на феномен политической культуры, можно подчеркнуть, что политическая культура России как знаковая система тоже развивается по законам памяти. Это значит, что во главу угла следует поставить проблему особого кодирования политической памяти. Семиотической же «средой», т.е. политической семиосферой, здесь должна выступать постмодернистская знаковость. Ее особенность составляет виртуализация политической реальности и засилье знаков-симулякров. Что же касается самой знаковой референции, то, по нашему мнению, некоторые политические конструкты и сегодня остаются смыслоносущими.

К таким символическим сущностям и относится политический конструкт 'Победа', который имеет свой собственный план выражения – праздник Победы в Великой Отечественной войне. Здесь современный героический политический миф конституирован ритуально, т.е. приобретает семиотическое бытие. И это заметно отличает данную символическую константу от преходящих рекламных знаков-симулякров, репрезентирующих политический мир России в динамике. Праздник же Победы, напротив, онтологичен и возвращает мышление коллективной личности к архетипу архаического Героя и архетипическому действию во «время оно» – параду Победителей перед Вождем-победителем. Политический праздник Победы является цельным символическим комплексом, берущим свое обрядовое начало в советской полити-

ческой культуре и культе вождя. В данной связи он представлял собой и политический обряд перехода, символически легитимирующий власть в лице Героя, одержавшего победу над Злом. Иконография вождя здесь свидетельствовала о его абсолютной сакральности: он божество и Спаситель мира. Если выразить данную мысль не в терминах героического политического мифа, но в понятиях семиотики, то можно подчеркнуть абсолютную репрезентативность Сталина-знака, который узурпировал всё семиотическое пространство, конституировав его иерархически в виде героической конституции мира (генералиссимус Победы, маршал Победы, герои воинской Славы, протые победители врага).

По типу такого иконографического знака, где образ лидера тождествен Сталину-первообразу, попытался сконструировать свой имидж героя «Малой земли» Брежнев. В данном контексте термин «память» мы будем трактовать как некую интерпретационную рамку для конструирования политического героического пространства. «“Память” здесь адекватнее понимать как метафору либо гнездо метафор, которые символически транскрибируют – обозначают и переозначивают – более или менее устойчивую либо, напротив, неустойчивую конструкцию социума и его базовых институтов в сознании людей» [2. С. 68]. Конечно, речь идет о конструктивном мире фантазий и некоем смысловом единстве, выраженном символически. Другими словами, архетип Победы использовался для идентификации советского цельного мира, эта политическая конструкция семиотически предназначалась для отождествления народа с вождем. Однако в случае брежневского «семиозиса» произошла трансформация, и знак стал выражать несколько иное значение целого. Итак, по мнению Б. Дубина, с которым мы в данном случае полностью согласны, «смысловым центром всей конструкции значимого мира стала победа в Отечественной войне» [2. С. 70]. Именно поэтому сегодня Путин и Медведев конституируют пространство единого политического праздника для того, чтобы сконструировать «память» о смысловом единстве под именем «Россия». Но мы хотели бы поспорить с Б. Дубиным в смысле оценки им брежневского мифотворчества как удачного. И дело здесь было в самом репрезентанте, символизировавшем «часть» – Малую землю, которая не могла стать «целым» – миром, СССР. В подлинном же героическом политическом мифе часть всегда идентична целому, она и есть целое. В результате и неизбежно ранее развенчанная фигура Сталина-победителя была именно в брежневское время подвергнута частичной реабилитации. Сам же Дубин пишет, что в смысловой и символический ряд «памяти» о прошлом в постсоветское время был включен ностальгический образ Сталина как организатора победы в Отечественной войне. В терминах риторических фигур данного автора, «великий вождь» вновь стал соответствовать «великой победе». Это значит, по нашему мнению, что Героем конструкта значимого советского прошлого оказался Победитель. Но, как полагает Дубин, в конструируемом в 1970-е гг. образе войны смысловнесущей фигурой выступил «народ», «ветераны», коллективный герой, как сказали бы мы.

Конечно, фрагменты конструкта коллективной фигуры «героического» видны и сегодня, но вопрос в том, конструктивна ли данная фигура и что случится с виртуальным миром, когда нельзя будет презентировать даже са-

мого последнего участника войны? Кстати, парад в ознаменование 65-летия Победы в Отечественной войне показал, что проблема уже решается в духе постсовременности: героев представляют их субституты. Но разве это не «пустые» знаки, не реферирующие сакральной политической реальности? Не удивительно, что Лужкову захотелось украсить Москву плакатами, изображающими именно Сталина, т.е. семиотически достроить праздник как смысловой мир. Образ войны сегодня не может быть репрезентирован одной георгиевской ленточкой при всей ее коммуникативной и фетишистской знаковости. Вот почему удачным, на наш взгляд, был «теледневник» победы на Первом канале ТВ – он как бы реанимировал «героический народ», который в основном ритуально представлен могилой Неизвестного солдата. Конечно, «неизвестный солдат» – это сакральный символ с большим героическим смысловым потенциалом, но фигура солдата анонимна, т.е. данную символическую форму в принципе нельзя использовать для персонификации. Для персонификации же всегда, и в России особенно, используется другая номинативная форма – «политический лидер», и только в силу того, что язык политического мифа тоже номинативен (здесь знак аналогичен имени собственному, а само имя – мифологично) [см.: 3. С. 527, 529]. Так, при актуализации героического мифа сознание номинирует феномен героизма, а в случае Отечественной войны – это Сталин (Жуков?). Потому герои войны – это всегда номинирующие подвиг, и запоминают того, кто первый совершил героический поступок, это, между прочим, одна из стратегий позиционирования вообще. Так, Э. Райс и Д. Траут подчеркивают, что в сознании потребителя информации закрепляется именно лидерская «позиция», потому лидер и является «маркой» [4. С. 61]. Мы можем, напротив, добавить, что «вспоминается» всегда марка, политический лидер. Остальные герои как бы слепки с него, образы-копии, а архетип героя – символический первообраз, в котором хранится смысл.

Итак, чтобы сконструировать память о войне, надо, по сути, мифологизировать «текст» и вывести героический символический ряд имен. При этом замалчивание или уничтожение знаковой роли Сталина лишь способствует стихийной реконструкции и воскрешению «имаго вождя», ведь его имя – первое в словесном ряду. Без вождя ведь не с кого и начать данный символический ряд. Так, интенция мифологического сознания направлена на «отождествление мифологических единиц на уровне самих объектов» (герой = герою), но не имен [см.: 3. С. 542]. Герой, если конституирован миф, это всегда Номинация, Герой, Победитель. Потому Сталин мог претендовать на «позицию» второго Ленина (каждый Герой в ходе символической трансформации победил в своей Октябрьской революции). А Брежнев не идентифицировался со Сталиным-победителем: именно героический миф в контексте Отечественной войны у него и не сформировался. При этом надо иметь в виду, что в XX веке вождь семантически отождествлялся с народом, но символом выступал Вождь, который и репрезентировал данное коллективное тело.

Для продолжения рассуждений уместно будет привести релевантное нам лотмановское определение символа: «Функцию, благодаря которой значимый элемент может играть мнемоническую роль, мы определим как *символическую* и будем в дальнейшем называть символами все знаки, обладающие спо-

способностью концентрировать в себе, сохранять и реконструировать *память* о своих предшествующих контекстах» [3.С. 617]. Концепт ‘Сталин’ в данной связи представляет собой ностальгический образный феномен потому, что в смысловом контексте Победы он выступает таким символическим хранилищем. Это подлинно знаковая фигура, функционально связанная с механизмом коллективного «воспоминания» и запасом общего политического знания. При любой реконструкции такого рода памяти об Отечественной войне данный символ актуализируется, причем как героический архетип – Герой/Антигерой. С одной стороны, ему приписываются все заслуги, и он – Победитель, вдохновитель и организатор победы, с другой, его персоне отводится роль Тени, злые игры которой привели к столь трагическим и великим жертвам на алтарь Победы. В любом случае значимым элементом политико-культурной системы России является конструкт ‘Победа’. Как архетипическая фигура данный политический символ обладает мнемоническим потенциалом, и особенно это относится к прошлому веку.

В современном же праздничном образе прообраз Победы дан знаково-трансформированным. Тем не менее архетипический образ представляет собой по-прежнему феномен смысла, т.е. он участвует в легитимации политической власти через обряд героического перехода. Но в контексте постсовременности знаковое тиражирование (апельсин как символ оранжевой революции, георгиевская лента как символ памяти о войне и т.п.) на первый взгляд более похоже на виртуальную игру копий, когда подлинность сменяется симуляцией, а знак теряет репрезентативность. Хотя уже сам факт присвоения знака говорит о наличии коммуникации в виртуальной политической реальности и о сакрализации на уровне маркетинга. Однако архетип бессознательного, согласно К.Г. Юнгу, предпослан сознанию лишь схематически, а конкретный образ в новой политической реальности может, добавим мы, сильно отличаться от прототипа. Так, архетип Матери предстает в виде конкретной старухи или абстрактной Родины. Может быть, архетип Героя – это и Вождь, и народ (когда героический вождь лишь подразумевается, ведь не может быть тела без головы), и орденская георгиевская лента (когда подразумевается герой-победитель как таковой)? Смысл же данных знаков Победы, похоже, идентичен – все это символы коллективного спасения. При этом войну (как полосу тяжелейших испытаний) можно символически отождествить с обрядом героического перехода. А эпитет «Отечественная» прочитывается как символизация окончательного спасения и соединения героя с отцом. Таким образом, конструкт ‘Победа’ по-прежнему конституирует семиотическое пространство политического дискурса России вообще и властного дискурса в частности. При этом политический лидер сам не экспонирует свой образ как героический. Однако в праздничном пространстве парад по-прежнему проходит перед трибуной (хотя и трансформированной) с «ветеранами» и принимается парад традиционно лидером. И последнее создает ассоциацию преемственности власти от той – победительной. И здесь образ настоящей политической власти опирается на значимые образы прошлого: «Под образами прошлого понимаются зафиксированные в коллективной памяти представления о прошлом, прочно удерживаемые традицией или актуализируемые меняющейся реальностью настоящего» [5.С.4].

Конечно, и у нас речь идет о реконструкции памяти о Победе (архетипической фигуры в ипостаси Героя) и конструировании виртуальной политической реальности легитимной власти, т.е. своего рода героической сакральной политической реальности. Что же это феномен социального или политического конструктивизма? Думается, скорее, политический феномен, т.е. власть с помощью СМК «сверху» формирует представление о реальности. Но политическая власть действует в поле символического обмена и вовлекает народ в данную управляемую игру знаков. И знаковый обмен, где конституирующую и объединяющую роль играет конструкт 'Победа', удачен в силу того, что нет барьера понимания героического мифа как традиционного языка политической коммуникации, образующего значимую дискурсивную практику. Так, символические послания власти по репрезентации «своего» подкрепляет особый культурно-ритуальный комплекс – празднование, включающее парад победителей на Красной площади и поклонение лидера могиле Неизвестного солдата как жертве на алтарь Победы. При этом в языковой игре присутствует и реконструкция символической фигуры Сталина-победителя, и чаще всего как фигуры умолчания. И «изречение», и «умолчание» имеют символический план выражения знака. В данном контексте молчание тоже, по сути, есть символическое утверждение значимого образа. Выражается же замалчивание как словесно отрицательно, т.е. номинация 'Сталин' в контексте Победы не упоминается, так и визуально – задрапирован мавзолеей как символическое пространство Политического Центра, где вождь принимал изначальный парад в изначальное время. Но тем не менее уже сама реконструкция символики Победы означает спасение и космолизацию России-мира от Хаоса-войны, а спасение невозможно без Спасителя. Дело в том, что именно символическая форма, сам символ хранит и передает политическую информацию, и при актуализации «перереформатированной» информации форма героического мономифа априорно воспроизводится и требует номинирования. Здесь мы можем сослаться на М. Фуко и подчеркнуть, что некоторые «феномены становятся символами друг друга или организуются вокруг единого центра» [6. С. 13]. Вот таким смысловым центром для политической власти России, своего рода фигурой власти знания о прошлом, если перефразировать того же Фуко, становится конструкт 'Победа'. Итак, под «политической памятью» мы будем понимать не просто способность политико-культурной системы сохранять информацию. Для нас понятие «память» все более приобретает конструктивистский смысл: сохраняется и актуализируется лишь та информация, которой придается значение, производное от власти. Именно власть конструирует смысловой политический мир в этой «бессмыслице» постсовременного пиара и даже конституирует священный ритуал Победы.

Итак, поскольку политическая культура как знаковая система подчинена законам памяти, то следует непосредственно обратиться к проблеме культурного кодирования. Согласно Ю.М. Лотману, история культуры России, понимаемая семиотически, дает нам четыре доминантных кода, позволяющих типологизировать культурные тексты: семантический, синтаксический, асемантический и асинтаксический, семантико-синтаксический [см.: 7. С. 402]. Выражая ту же мысль по-другому, перед нами четыре языка коммуникации, типологически релевантные нашей культуре, и мы можем экстраполировать

их и на культуру политическую. Для нас представляет интерес та доминантная кодирующая системная модель, согласно которой политическая власть репрезентирует политический порядок в современной России (имея в виду исторический этап президентства Путина и Медведева). В основу аналогичной типологии политико-культурных кодов, опираясь на Лотмана, мы поместим два «параметра» с положительным и отрицательным статусом: 1) существование в политике как замещение более важного и 2) существование как части более важного в политическом смысле [7. С. 401].

Согласно нашему выводу, политически конструирующая мир власть (под конструктивным лидерством мы подразумеваем феномен путинских интенций), моделирует реальность России в семантическом кодовом ключе. Это, в сущности, традиционный мир, имеющий смысл, но смысл не эксплицированный и до конца не постигаемый, даже специально засекреченный. При всем централистском символизме (к Центру сводится вся Россия) центрированный политический мир не является единым, т.е. «синтактическим». В данной связи политический феномен как репрезентацию политического символизирует партия власти, называемая «Единая Россия». При этом сама партия далека от организационных систем жесткого типа, представляя собой холдинг, т.е. собрание ассоциированных с номинальным центром членов без строгих правил образования структуры. Интересно, что управляющее конструктивистское политическое творчество Путина формируется и параллельно кодирующему эффекту культуры постсовременности, асемантическому и асинтактическому, по сути. Мир «чистой» постсовременности раздробленный и бессмысленный и особенно явлен как медиареальность. Здесь знаки релятивны, симулируют и не репрезентируют в процессе свободной знаковой игры. Собственно знаки создаются для того, чтобы отрицать знаки, т.е. активно формируется знаковая система «навыворот». Пример тому – постперестроечная лениниана, представляющая собой антигероический «трансферт».

Мир же сегодняшней России, конструируемый политически, не чужд «положительной» знаковости (Путин даже реанимировал некоторые существенные символы советского прошлого). Наша политическая реальность заметно отличается тем не менее от советского политического мира, и единого и осмысленного, т.е. семантико-синтактического. В советском мире идеальная сущность (Учение) воплощалась в материальную сферу жизни (строительство социализма с СССР). А материальная сторона, в свою очередь, подвергалась «диалектике» прогрессизма – модернизации во что бы то ни стало, т.е. подчинялась ценностям не от мира сего. Такой политический мир кодировался языком героического политического мифа, представляя собой символическую иерархию героев. Именно данный героический миф и репрезентирует, по нашему мнению, смысловой феномен политической власти России, т.е. сакральные основания ее легитимности. Тем самым и объясним интерес к конструкту «Победа» со стороны современной политической власти России. Ведь это понятный и традиционный язык политической коммуникации власти и народа. Путин же, как всем известно, традиционалист и «государственник», и в его политическом конструкте «Россия» государство, «целое» замещается «частью» – политическим лидером-репрезентантом. Таким образом, знак (лидер) замещает какое-то идеальное содержание, причем осо-

бая ценность, согласно Лотману, конституируется знаком с нулевым выражением «материального» [7. С. 406]. Вот почему на празднике Победы поется «слава» героям, точнее их памяти, тем самым транслируются абсолютные ценности. И здесь выражена своего рода ностальгия политической власти России по конструктивному творчеству советского прошлого, которое выражало смысл ясно и эксплицитно.

В данном контексте эмоционально нагруженный смыслонесущий конструкт 'Победа' становится в ряд с доминирующим и кодирующим интенциональным переживанием политической власти о России как мире. Символика 'Победы' относится к пространству «своего» и «целого», которое репрезентирует Лидер, здесь «часть» представляет «целое», отождествляется с ним. Поскольку знак в таком «символическом политическом сознании» не конвенционален, а строится по принципу иконическому, то становится понятна суть властного тандема «Путин – Медведев», где президент не лидер, а знак-копия, зеркально отражающая высший лидерский образец. Путин в данном символическом тандеме как бы «идеальное содержание», а Медведев – «знак-выражение». Медведев-знак в иерархии в виде набора знаков первый (ведь знаки образуют иерархию официального лидерства), но ценность знака зависит от степени «идеальности». Не случайно Медведев создает себе противоположный имидж – менеджера-реалиста, постоянно ведя речь о модернизации. Вот почему иконическое соответствие образов двух руководителей России или их расхождение – постоянный предмет для медиадискурса. Здесь уместно провести параллели с кодированием средневековой реальности: если мир творит Создатель одним своим словом, то мир российской политики творит Конструктор, и его слово не всегда досказано. Именно лидер-конструктор «знает» свой «замысел о России», остальные лишь могут углубляться в знак, т.е. попросту строить догадки. И презентируемый образ современного политического мира России, официальная картина мира гиперконструктивна, т.е. зависит от своего творца (отсюда и нелюбовь власти к выборам, ведь они вводят в абсолютную политическую культуру фактор относительного времени).

Следующий рассматриваемый конструкт в нашем рассуждении о феномене современной российской политической власти – это понятие политического человека как корпоративного члена. Наш гражданин может стать политиком только как член политической партии, а у власти стоит целая политическая корпорация, принадлежность к которой автоматически выдвигает на высокие политические должности. То есть в России ценится не личная профессиональная карьера (по типу идеологии Петра I), а членство в символических корпорациях, таких как «единороссы», «петербуржцы», «молодежный резерв» и т.п. При очевидности иерархии знаков, состоящих из «наших политических членов», смысл их конкретного квалификационного отбора скрыт от сознания общественности. То есть наметилась такая семиотическая практика: если нет места в корпорации, то нет и личности в политическом смысле. Отсюда в иерархии политических знаков-лидеров столь много безликих и даже «безымянных» персон. Власть заведомо «знает», кого и куда поставить, и занимается дальнейшим корпоративным конструированием. В данной связи наполняется смыслом и выражение «выстроить вертикаль власти», ведь госу-

дарство, которое тоже политически сконструировано, понимается Путиным всего лишь как иерархия знаков, находящаяся вне времени. Перед нами, может быть, принцип конструирования, релевантный коду культуры вообще (чиновник ведь тоже член корпорации)? Как бы то ни было подобно средневековому сознанию конституированы два российских ментальных мира: высший политический мир (конструкторы, лидеры-знаки, корпорации-конструкты) и низший мир практической повседневности, который символически не ценится и находится вне политики. Таким образом, все политические знаки тяготеют к сакральной сути и бытуют как виртуальная политическая реальность. Здесь в качестве определяющей метафоры подобного символического мира можно привести слова Ю.М. Лотмана, что «все существующее воспринималось как значимое (и наоборот – только значимое считалось существующим)» [7. С. 406].

Таким образом, в основание своего современного представления о политическом мире российская власть помещает сугубую его сущностную знаковую, которая систематически артикулируется от как бы незнакового мира повседневности. Потому все политические феномены власть стремится ритуализировать, и пример тому «телеразборки» власти с текущими повседневными проблемами и их персонификациями, долженствующие символизировать конструктивную позицию лидерского тандема. Вот в этом символическом ряду востребованных ритуальных сущностей и стоит праздник годовщины окончания Великой Отечественной войны, смысловое наполнение которому придает конструкт 'Победа'. Данный сакральный смысловой мир связан с истоками власти и вводит героический символизм в праздничный календарь современных политических торжеств. Власть, присваивая себе весь политический «семиозис», конструирует политический мир вообще и политический праздничный мир в частности. А поскольку повседневный политический мир для нее незначим, то сакральной реальности героического спасения и отводится столь заметное место в «пространстве ликования», ностальгируя по советскому образцу. Перефразируя М. Рыклина, можно подчеркнуть, что ностальгия по советскому проявляется здесь как реакция на исчезновение гигантского пространства политического ритуального действия [см.: 8. С. 18]. И, добавим мы, ритуал нужен власти-конструктору из-за своей конститутивной сущности, означающей символы власти в этой семантической политической культуре.

В данной связи у П. Рикёра есть релевантный термин – «навязанная память», которая формируется путем замкнутого по смыслу нарратива. У нас это героический политический мономиф, который придает конфигурацию конструктам коллективной памяти о Победе. «Следовательно, замкнутость рассказа ставится на службу идентифицирующей замкнутости сообщества. Преподанная история, история, которой обучают, но также и история восславленная. К принудительному запоминанию прибавляются мемориальные церемонии, поминания, установленные общим соглашением. Таким образом, между припоминанием, запоминанием и поминанием заключается несущий в себе опасность пакт» [9. С. 125]. В отличие от Рикёра мы не помещаем свое исследование в рамки философской дихотомии «плохого/хорошего» и потому проблему «опасности» управления политическим сознанием выводим за

рамки предметной области. Но в политико-конструктивистском плане хотим подчеркнуть, что мифологизация и ритуализация политики России, производные от конструкта 'Победа', свидетельствуют о конституировании символических основ современной политической власти. Перед нами конструктивный материал, предназначенный для смыслонесущей политической коммуникации. И это, на наш взгляд, говорит об успешности проекта власти под названием «праздник Победы».

Мы уже отмечали в качестве одного из каналов «производства» ностальгии механизмы памяти. В этом смысле, согласно Ю.М. Лотману, «культурная память», являясь творческим механизмом, «противостоит времени»: «Она сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [10. С. 674–675]. В данной связи особо следует обратить внимание на то, что, по Лотману, «смыслы в памяти культуры не 'хранятся', а растут» [10. С. 675].

В этом процессе, на наш взгляд, и происходит селекция и реконструкция ценностей прошлого или их знаков, получающих воплощение, в том числе в форме ностальгии. Паллиативными причинами для обращения к памяти прошлого, а через нее к ностальгии, можно назвать и неблагоприятную современную среду или последствия механического воздействия на сознание типа тоталитарной индоктринации, когда сформированная когда-то схема постоянно будет соотноситься с живой действительностью. Так или иначе ностальгия проявляется как реакция на современность с позиций подлинного или примысленного прошлого, как смысловой фон или индивидуальная специфика осознания сообразно тем «рамкам», которые были заложены в человеке в процессе социализации/воспитания. Другими словами, при всех вариантах, которыми обладает человек, он индивидуально доконструирует траекторию наличной реальности, прибегая к механике памяти или фантазмов. Однако и то, и другое не являются произволом, а так или иначе заданы культурной матрицей, сообразно которой идет достройка современности. В иные моменты появляется желание «обналичить» свои фантазмы без учета того, что прошлое уже не вернуть. К примеру, на встрече президента Д.А. Медведева с активом партии «Единая Россия» 28 мая 2010 г. предприниматель Вадим Дымов, поблагодарив власть за поддержку, прежде всего законодательную, представителей бизнеса, обратился к главе государства с такой просьбой: «Может быть, и власти стоит как-то отметить их. Я знаю, что за рубежом (во Франции, в Италии), знаю, что Аркадий Анатольевич Новиков является кавалером наград, которые показывают, выделяют роль предпринимателя, бизнесмена, его активную жизненную позицию. Я думаю, что в нашей стране есть такие герои, яркие герои, и их надо отмечать. Это было бы очень позитивно воспринято предпринимателями всей страны» [11]. Это пример наиболее прямой, нетипичной для «негероической эпохи», потребности в надделении более высоким смыслом, чем прибыль, выгода и достаток, даже высшим – героическим – смыслом.

Но вся беда попыток перевода такого рода желаний в том, что семиосферы героической и негероической эпох не совпадают, как не совпадают и декларируемые (конструируемые) высшие смыслы, зачастую не позволяя потребностям трансформироваться в ценности и идеалы. И на этом неплохо

зарабатывают всевозможные «наградные» фирмы, производя и реализуя за деньги всевозможные знаки отличия – симулякры государственных наград. При этом «покупка» даже самой дорогой награды не приближает ее по статусу к официальной государственной, а обладателя – к статусу героя.

Зачастую причины прорыва ностальгии в современные реалии более прозаичны. Не секрет, что детство и молодость (особенно с точки зрения прошедших лет) для человека – самая безоблачная пора. С такой позиции откорректированная временем картина личного, а вместе с ним и общего, прошлого становится предметом не критического противопоставления современности. Зачастую даже не сама эпоха, а ее символы становятся предметом ностальгии. К примеру, советские игрушки, в общем-то, неказистые, становятся предметом ностальгирования современной молодежи, едва ли захватившей советскую эпоху на излёте. Что уж говорить о старшем поколении. Так, в сентябре 2009 г. в Челябинске «в выставочном зале музея искусств открылась уникальная выставка. Куклы, мячики, барабаны, горны, кубики» и прочие предметы детского быта советской эпохи привлекли внимание уральской публики, – сообщили «Вести 24» [12]. К этому же разряду относятся учебники, школьные песни – все, что могло бы вызвать эмоциональные переживания, связанные с прошлым. И вот уже в конце мая 2010 г. анонсируется I Всероссийский фестиваль диафильмов «Волшебный фонарь» в Санкт-Петербурге: «В основе фестиваля лежит идея возрождения прекрасной традиции, позволяющей окунуться в сказочную атмосферу давно забытых пленок из коробочек с цветными этикетками. Это фестиваль для детей, молодежи и старшего поколения – для всех, кто хочет познакомиться с историей и невероятной красотой этого искусства. Сейчас в стране начинается бум возрождения интереса к диафильмам. Коллекционеров становится все больше и больше, а с августа 2010 года петербургское издательство «Амфора-Медиа» запускает в производство новую линейку слайдовых фильмов и даже диапроектор нового поколения «Светлячок»... В вечернее время диафильмы станут темой для музыкальных джемов и танцевально-театральных перформансов. А петербургская студия документальных фильмов представит фестивальную подборку советской рекламы 60–90-х годов, которая как нельзя лучше передает настроение той эпохи – эпохи диафильмов» – сообщают организаторы [13]. Деятельность «Амфора-Медиа» вызвала всплеск эмоций – «старый добрый», «волшебный» и т.п. эпитеты сопровождают информацию такого рода.

Более существенным выглядит стремление, кстати, на первый взгляд не связанное с идеологическими предпочтениями средней и старшей возрастных групп россиян, вернуть старые организационные формы детскому досугу. Так, Анн-Дорит Бой из «Frankfurter Allgemeine» в статье «Отроческое служение родине» пишет о том, что «согласно опросам Левада-центра, 80% россиян хотели бы вернуть старую добрую пионерскую организацию». Анн-Дорит, заинтересованная этим феноменом, приводит комментарий социолога Бориса Дубина: «Родители и бабушки с дедушками ищут кого-то, кто, как раньше, будет заботиться о подрастающем поколении, организацию, которая снимет с них эту ответственность» [см.:14]. Вероятно, в таком комментарии большая доля правды, но не вся. Жизнь без коллектива, без общезначимых

символов и ритуалов лишает человека значительной части его социальной природы. Ностальгия, скорее всего, может рассматриваться как попытка «вытащить» советское – мир уходящий, мир потаенный (и что греха таить, полузапретный) через символы и ритуалы, репрезентирующие для конкретного человека какие-то утраченные социальные нормы и ценности и т.п.

Мы вправе рассматривать и экономические, и политико-культурные, даже национально-психологические особенности именно России и россиян в качестве причин, обусловивших ностальгию по далеко не самым легким временам. Но, как показывает практика, дело не только в этом. К примеру, в Германии уже достаточно длительное время широко признанным является массовый феномен 'остальгии' (Ost – восток), т.е. ностальгии по ушедшей в политико-институциональное небытие Восточной Германии. Подобно челябинской выставка, в бывшем Сталинштадте (ныне Айзенхюттенштадт) «Отпуск и отдых в ГДР» презентует (в первоначальном значении 'презентации' как предъявлении чего-либо в современности) лишь фрагмент прошлого, сохраненный, музеефицированный, но способный вытянуть через цепочку воспоминаний ценности и смыслы миновавшей эпохи. Это и путевки свободных немецких профсоюзов для трудящихся, это фотографии взрослых и детей на пляже и т.п. Фотографии не постановочные, тем не менее отражающие счастье отпускников [см.: 15].

Ностальгия, как мягкий в отличие от пропаганды и манипуляции канал легитимации низвергнутого прошлого, не может не стать предметом размышления. К примеру, Стив Розенберг (Би-Би-Си) в материале «Немцев мают безделушки Восточного блока» описывает не только типичную для России, Югославии, Германии картину розничной коммерциализации артефактов социалистической эпохи (символика, предметы культуры и быта, воинская атрибутика), но и более внушительные проекты вроде гостиницы 'остальгического', в стиле ГДР, типа, с соответствующим названием – «Остель» (более подробно можно посмотреть на сайте отеля <http://www.ostel.eu>). Постояльцев, а их зазывать не приходится, привлекает возможность вернуться в прошлое, хотя бы окунуться в его атмосферу, попробовать на вкус давно забытые продукты: «Магазин "Осткост" (в вольном переводе – «по гэдээровским ценам». – А. и Н. Ц.) набит старыми товарами времен ГДР – от коммунистического варианта "Кока-колы" до восточногерманской жидкости для мытья посуды. Можно даже купить гэдээровское пюре быстрого приготовления или социалистическую горчицу». Одной перцепции, разумеется, недостаточно, и «для получения еще большей дозы ностальгии есть «музей ГДР», где показывают старые фильмы, в которых восточные немцы машут руками и улыбаются, маршируя на первомайских парадах, танцуют ночи напролет фокстрот на «чайных танцах» (tea dances) или расслабляются в нудистских колониях» [16].

Темная сторона жизни далека от ностальгических переживаний, мало кому хочется вспоминать тюрьмы для политических, тотальную слежку штази. И было бы совсем просто, если бы человечество делилось на тех, кого прошлое пригрело, и тех, кого оно навсегда обидело. В этом плане прошлому больше везет, чем настоящему, – со временем плохое постепенно стирается, хотя и не до конца, это то, что банально окрестили штампом «Время лечит».

Правда в том, что светлая и темная стороны сосуществуют в человеке, несмотря на самые мрачные режимы. В октябре 2009 г., в передаче НТВ «Честный понедельник», посвященной восстановлению павильона станции метро «Курская» (в том числе и 'сталинской' версии «Гимна СССР» на стеле), политолог С. Кургинян в дискуссии поднял очень сложную проблему и показал возможное ее объяснение: «Это трагическая история, великая в своем трагизме, она чудовищна и прекрасна одновременно, там все сплетено. Люди из этих лагерей шли на войну. Моя мать, у которой погиб отец, и которая любила своего отца и ненавидела Сталина, шла в этих демонстрациях и пела песни. Это всё вместе. Невозможно выковырять из этого какие-то примитивные слагаемые» [17].

Вот эти, сходящиеся в одной «точке», коей является человек, миры быденного и сверхбыденного, личного и общественного, светлого и темного, сконструированного и естественного остаются в памяти причудливым сколком прошлого. Фрагменты комбинаций этих миров иерархичны и способны затенять события прошлого или, напротив, вытягивать воспоминание в цепь положительных ассоциаций. В этом случае на помощь памяти приходит специфика матричного мышления. И она характерна не только для процесса воспоминаний, но и для организации мышления в необходимом для властвующего объекта направлении. Например, как пишет Г. Андреевский, некоторое время Москва осенью 1941 г. совсем не походила на образцовый город страны, где мышление граждан было обработано индоктринацией, где страх за свою жизнь и свободу заставлял молчать даже по поводу менее значительных причин. И вдруг – паника, слухи, нелестные отзывы о руководстве страны, Красной Армии. На помощь пришли плакаты типа известного «Не болтай» («Болтать – врагу помогать», «Будь бдительным») в короткий срок они дней сделали то, что мышление матричного типа вернуло эмоции в свое, более привычное для советских граждан, русло: «С каждым днем порядки в городе становились строже, а люди молчаливее. С них смотрели на москвичей строгие лица и слышались крепкие, как кулак матроса, слова: 'Наше дело правое, победа будет за нами', 'Родина-мать зовёт', 'Бей врага, как били его отцы и старшие братья'» [18. С. 135].

К коммуникативным практикам подобного рода, закладывающим схемы осмысления и интерпретации матричного типа относятся праздничные комплексы. Однако, в отличие от плаката, они обладают механикой, идущей от истоков культуры, и обладают не квази (В. Боннел, К. Вашек и Н. Бабурина), а подлинной сакральностью, не отмирающей и в «атеистические» эпохи. В арсенале власти всегда находились поводы и технологии для использования праздников как важного ресурса по относительно ненасильственному вовлечению населения в систему осмысления и легитимации действующего режима, коммуникации власти и народа (и позитивно окрашенной коммуникации народа по поводу власти).

Праздники, циклически воспроизводящие коллективные чувства и действия масс, возвращающие человека через ритуалы и символы к его родовой сущности, являются феноменом, интерес к которому народ никогда не утрачивает. Именно через оптику политического праздника личность усваивает смысл опорных политических явлений. Человеку не свойственно делить свое

бытие на прошлое, настоящее и будущее. Родина одна – с ее прошлым, даже отвергнутым официально, настоящим, как правило, официально одобряемым и пропагандируемым, и невнятным, но конструируемым в светлых тонах будущим. Однако сам человек един в этих трех временных измерениях, и искусственно, политическим путем, ампутировать прошлое невозможно. Незрывно связанное с ним общественное сознание, достраивающее свою модель «прошлого-настоящего-будущего», неотделимо и от внутренних ощущений целостности человека общественного. Поэтому наиболее болезненным именно в период революций является кризис общественного сознания. И власть, борясь за легитимность и перспективу, пытается найти замещение старым праздникам (символам, ритуалам), на деле же воспроизводя их в новой «упаковке». Если же этого не происходит, то обнаруживается утрата смысла в рационализированной и коммерциализированной современности, а с ним и базовых ценностей – Родина, честь, долг, истоки.

Даже самые радикальные политические режимы искали, а на деле – конструировали свои корни и поэтому нередко в ментальной картине личности, уже отформатированной новым режимом, осуществлялись комбинации, которые и могут послужить примером для нашей мысли о причудливости конструктов. Так, Б. Сарнов в главе «Страна Гайдара» пишет о своих детских поисках истины буквально следующее: «Мир был прост и понятен. Он делился на красных и белых. Красные – это наши, свои. Белые – враги: царь и буржуи. Впрочем, мы иногда сталкивались с трудной задачей: вот например, Петр Первый – он кто? Ведь он был царь – значит, белый. Но в конце концов мы находили выход из этого затруднительного положения, утешая себя тем, что белым был царевич Алексей: он хотел, чтобы все оставалось по-старому. А Петр, хоть и царь, стремился все переделать, переиначить – значит, он был свой, красный...» [19. С. 169]. И в подобном конструировании корней политические праздники играли и продолжают играть незаменимую роль. Особенно, когда речь идет о коммеморативных, т.е. посвященных памятным датам, общественно значимых и, главное, нужных для консолидации общественных сил в условиях современности вокруг проблемы легитимности режима и его программных задач. В этом плане юбилейные даты 2009–2010 гг. для России стали в известной мере тем «пробным камнем», на котором политический режим проверял свою устойчивость. Мировой финансово-экономический кризис и его социальные последствия для российского общества: рост цен, инфляция, сокращение рабочих мест и свертывание социальных программ, ужесточение бюджетных расходов явились фоном для осмысления таких знаковых и символических для общественного сознания событий, как провал российской олимпийской сборной, футбольной сборной, хоккейной сборной, неудачи наших фигуристов на соответствующих чемпионатах мира. В данном случае референтным временем в дискуссиях внезапно стала советская эпоха, приобретающая контуры чуть ли «золотого века». Вместе с этим особое значение приобрели 130-летие И.В. Сталина, 140-летие В.И. Ленина и особенно празднование 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. И если первые два юбилея стали прерогативой КПРФ и нашли лишь частичное отражение только в виде фрагментов публичной полемики. Так, на традиционной пресс-конференции премьер-министр В. Пу-

тин в ответе на вопрос о роли Сталина заметил, что при нем страна из аграрной превратилась в индустриальную. И он не отделил Сталина от Победы в Великой Отечественной войне. Такая позиция накануне 65-й годовщины позволила «Файненшел Таймс» заявить, что «в последние годы премьер поощряет националистическую ностальгию по Сталину и терпит взлет исторического ревизионизма в России» [20]. Так или иначе, произошла агрегация юбилеев в главное – официальное событие. Юбилеи Сталина и Ленина (в соответствующей социально-политической и медийной среде), по сути, слились в юбилей совокупного Вождя, а выход в рамках официально разрешенного празднования вся Тема нашла отражение в демонстрациях и митингах в честь юбилея Победы. «Генеральной репетицией» стал «разделенный» между КПРФ, СПС, ФНРП и «Единой Россией» Первомай. Именно там коммунисты опробовали свои лозунги, с которыми пошли 9 мая. Всего же за два майских праздника во всероссийских акциях протеста «приняло участие более 700 тысяч человек, или более 90% всех участников протестных акций» мая [21]. Поэтому тот десяток постеров, по поводу которых на этот раз разгорелась дискуссия между московским мэром и либеральной общественностью, лишь катализировал просталинские настроения, основная же масса образов Вождя (Ленина/Сталина) была оформлена в виде привычных уже плакатов. Но уж больно был значимым повод. Коммунистическая часть российского истеблишмента никогда, вне праздника Победы, не соберет такое количество людей и не найдет такого повода, который бы выступил в качестве героической альтернативы нынешнему режиму. Память о Победе находит неофициальные каналы вплоть до вымысла и галлюцинаций, которые в данном случае возникали не без влияния запретов и попыток уклонений от них. Так, П. Рикёр, обращаясь к данной стороне памяти, анализирует рассуждения Ж.-П. Сартра, когда запрещенные объекты превращаются в образы, конституируют образы-воспоминания. «Любое усилие «больше не думать об этом» спонтанно превращается в «навязчивую мысль». Как перед лицом этого феномена очарованности запретным объектом не совершить скачка в сферу коллективной памяти... Для коллективной памяти навязчивая идея есть то же, чем галлюцинация является для памяти индивидуальной, патологической формой внедрения прошлого в сердцевину настоящего...» [9. С. 85.] Праздник Победы явился тем поводом (и коммуникационным каналом), чтобы предьявить современной власти запретный образ Сталина. И если этот акт можно отнести к одному из фрагментов ностальгии по советскому, то здесь мы обязаны рассмотреть, как минимум, два варианта. Первый проистекает из детского стремления нарушить запрет. И действительно, в силу архаического характера отечественной политической культуры государственная власть по-прежнему продолжает видеть в себе отеческое начало в отношении народа, де-факто не имея на это никаких причин. В таком случае народ на основании позитивных стереотипов самоконструирует образ Отца и предьявляет его неэффективной власти. Второй вариант, возможно, связан с первым, но он от аргументов «за» и «против» Сталина и «советского» переходит на высший – символический – уровень. Образ Сталина как фигура, венчающая символический политический порядок, концентрирующая на себе все потоки ностальгии по советскому. На символическом уровне не нужны многосложные логи-

ческие переходы, ценностное и когнитивное слияние нередко в этом случае происходит напрямую.

Всенародный поистине, День Победы как катализатор ностальгии по советскому оказался единственным политическим праздником, который по своей основе должен был стать выше межпартийных склок, властных конструктов и сиюминутного пиара. Именно он сегодня мирит нас с прошлым и позволяет почувствовать россиянами, более того, потомками граждан великой (и не только территориально) некогда державы. День Победы по своей внутренней конституции, неся именно те самые позабытые качества, о которых писалось выше, – Родина, честь, долг, истоки – предстал как главный государственный праздник, отодвинув официально провозглашенные в качестве таковых – День России или День народного единства. Кстати, 20-летие российского суверенитета прошло тихо и незаметно, а это уже симптом того, что мы так и не успели за двадцать лет новой России обрасти новые корни, что власть по-прежнему испытывает символический дефицит.

Феномен возвращения Сталина в символическую политику России открыто проявился два года назад, когда в Интернет-опросе в рамках проекта «Имя России. Исторический выбор – 2008», который проводили государственный телеканал «Россия», Фонд «Общественное мнение», Институт истории РАН. Из пятисот имен, должных концентрированно отражать основные вехи, направления и достижения России, надо было бы отобрать двенадцать. Третье место, опередив Пушкина и Петра Первого, занял Сталин. Чем можно объяснить такой выбор россиян? Г.А. Зюганов, задавшись этим же вопросом, отмечает: «Среди нас уже почти нет людей, живших в сталинскую эпоху и все годы после смерти Сталина считавших его своим вождем. Но на смену им пришли молодые поколения. А подавляющее большинство пользователей Интернета, как известно, – молодежь, для которой имя Сталина становится символом величайших дел в истории России, знаменем побед, образцом преданного служения своему народу» [22. С. 18]. Итак, здесь можно взять у Зюганова ключевое слово «символ» – именно то, чего не хватает современному политическому порядку для самоопределения в координатах прошлого, настоящего и будущего. И в то время как постсоветские власти пытались вывести Сталина за пределы символического мира, даже в самой близкой точке схождения Сталина-героя и судьбы Родины (война, Победа), народ стихийно символически дотраивал современный политический мир, который власть традиционно рассматривала и рассматривает как собственную монополию. И Сталин, как произошло с проектом «Имя России», триумфально вершил этот мир. В этом, вероятно, во многом проявилась реакция масс на потаенные страницы истории.

Подводя итог нашим рассуждениям о центрообразующем конструкте 'Победа' и месте ностальгии в ментальном мире наших современников, в подтверждение того, что тема заслуживает самого пристального внимания и дальнейшего изучения, сошлемся на результаты опроса ВЦИОМа, которые опубликовала «Российская газета» 2 февраля 2010 г. в статье «'Советский' да любовь». Итак, «при слове 'советский' каждый третий житель России (31%) испытывает ностальгию. Почти каждый пятый (18%) – гордость. Каждый десятый – восхищение или надежду. Лишь 6% в звуках этого слова угадывает

разочарование, лишь 1–2% – страх, стыд, гнев или ненависть», – пишет издание. Здесь же отмечается, что «чаще всего у людей с этим словом были связаны ‘хорошие, приятные, светлые ассоциации’. Например, с СССР – по мнению достаточно многих, великой державой, сильной страной». [23] Здесь же отмечается в ряду таких ценностей, как порядок, бесплатная медицина, уверенность в завтрашнем дне, дружба народов, то о чем речь шла в данной статье: «праздничные демонстрации, субботники, полет Гагарина». Разумеется, добавим от себя, что Победа была и остается той живой нитью, которая связывает наших современников с их прошлым, конструктом, организующим вокруг себя высшие ценности современного политического порядка, и от этого претендует на роль главного легитимирующего основания феномена ностальгии.

Литература

1. Лотман Ю.М. Память культуры. Статьи и исследования // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 614–621.
2. Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа. О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000-х годов // Отечественные записки. 2004. № 5(20). С. 68–84.
3. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура. Статьи и исследования // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 525–543.
4. Райс Э., Траут Д. Позиционирование: битва за узнаваемость. СПб.: Питер, 2001. 256 с.
5. Глебова И.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006. 332 с.
6. Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
7. Лотман Ю.М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков. Статьи по типологии культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 400–461.
8. Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. М.: Логос, 2002. 280 с.
9. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
10. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении. Мелкие заметки, тезисы // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 673–676.
11. Стенографический отчет о встрече с активом всероссийской политической партии «Единая Россия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/7896>
12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: chel.kp.ru/online/news/546274/
13. I Всероссийский фестиваль диафильмов «Волшебный фонарь». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prochтение.ru/index.php/news/4560>
14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inopressa.ru/>
15. Брянцева Дарья. "Остальгия" продолжается: выставка "Отпуск и отдых в ГДР" // Культура и стиль жизни. 14.04.2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw-world.de/dw/-world.de/dw/article/0,,4176770,00.htm>
16. Розенберг Стив. Немцев манят безделушки Восточного блока. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forum.dean-reed.ru/>
17. Стенограмма «Честный понедельник». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&theme=10&auth=&id=2256>
18. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху 1930–1940-е годы. М.: Молодая гвардия, 2008. 447 с.
19. Сарнов Б. Страна Гайдара // Страна нашего детства. М.: Детгиз, 1965. С. 165–224.
20. Инопресса: Путин не извинился за массовые расстрелы в Катыни, свалив вину на Сталина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.newsru.com/russia/08apr2010/putin_2.html

21. *Мониторинг* протестной активности за май 2010 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/80108.html
22. *Зюганов Г.А.* Сталин и современность. М.: Молодая гвардия, 2009. 286 с.
23. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.com/news/periodical-publications/publication/single/13148.html>